

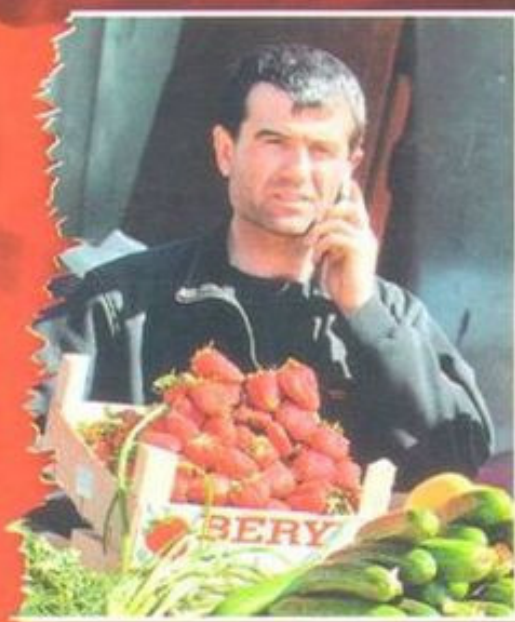
18+

А.Н. СЕВАСТЬЯНОВ

ДИКТАТУРА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

П
Р
О
Т
И
В

УТОПИИ СРЕДНЕГО КЛАССА

Александр Севастьянов

**Диктатура интеллигенции
против утопии среднего класса**

«Издательские решения»

Севастьянов А.

Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса /
А. Севастьянов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530891-7

В ПОСЛЕДНИЕ годы тема интеллигенции, которой избегали касаться публицисты в течение долгих десятилетий, вновь зазвучала со страниц наших газет и журналов. Как из подполья, вышла она из научных книг и статей, кабинетных дискуссий, чтобы стать предметом широкого обсуждения, всеобщего осмысления. Крайняя необходимость обращения к этой теме понятна. В масштабах мира интеллигенция выдвинулась на роль общественного и политического лидера.

ISBN 978-5-00-530891-7

© Севастьянов А.
© Издательские решения

Содержание

ДИКТАТУРА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПРОТИВ УТОПИИ СРЕДНЕГО КЛАССА	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА РАСПУТЬЕ	9
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса

Александр Севастьянов

© Александр Севастьянов, 2021

ISBN 978-5-0053-0891-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДИКТАТУРА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПРОТИВ УТОПИИ СРЕДНЕГО КЛАССА

Не устаю удивляться социальным фантазерам, которых всемогущий Господь посылает России в качестве ее верховных правителей.

Вот был у нас один такой по имени Леонид Ильич, который всего лет за пятнадцать до крушения советского строя выступил с двумя доктринами: 1) «советский народ – новая историческая общность людей» и 2) «советский народ – общество социальной однородности».

Прошло совсем немного времени после обнаружения этих гениальных тезисов, и национальные и социальные противоречия, которые пошли в гигантский рост именно при Брежнев-е, упорно не желавшем их замечать, разорвали общество и страну как раз по национальным и социальным граням. И сегодня память об этих утопических доктринах вызывает только горький смех.

Но Брежнев-то хоть исходил из лучших побуждений. Так ему хотелось видеть вокруг тишь, гладь и божью благодать, чтобы все жили дружно, мирно, никто никому не завидовал, никого не обижал... Недаром об этом замечательном человеке точно высказался поэт: «Придурковат был старый Брежнев, а все же был отец родной!» (А. Добрынин).

А вот из чего, интересно бы знать, исходят наши президенты Путин и Медведев, вслух мечтающие о превращении российского общества на 60—70% в «средний класс»?! *Страна лабазников и чиновников*: вот точная социологическая расшифровка этой мечты. Мелкобуржуазный раек. Можно подумать, мелкий предприниматель или иной индивид, оторвавшийся от людей наемного физического труда, но так и не выбившийся в хозяева жизни, – а именно таков и есть весь пресловутый средний класс! – это соль земли¹...

Как представлю себе чаемое Медведевым «светлое среднеклассное будущее», так всего и передергивает от недобрых предчувствий. Дело в том, что жизнь среднего класса (насмотрелся я на него на Западе) – это жуткое беличье колесо, из которого нет выхода. В хозяева жизни выбиваются единицы, это участь немногих, а вот скатиться вниз, разориться, потерять свой кусочек хлеба с маслом – это реальная перспектива, дамоклов меч! Рабочий отпахал свою смену – и свободен. Представитель среднего класса всегда во власти своих проблем, не отпускающих ни на минуту, ни днем ни ночью.

Средний класс, что самое смешное, живет во власти иллюзий по поводу собственной свободы, он кажется себе хозяином собственной судьбы, селфмейдменом, но ближайший же кризис может смять и выкинуть этого «свободного предпринимателя» за борт жизни, превратить в люмпена и положить жестокий конец его мнимой свободе. А его уцелевшие братья по классу с удвоенной энергией начнут вращать свое беличье колесо, выйти из которого им не дано.

Понятно, почему общество, на 70% состоящее из среднего класса – крутящих свои персональные колесики мелких грызунов, – голубая мечта власть имущих: потому, что это общество абсолютно лояльное к власти, ведь всем этим людям уже есть что терять, а обрести что-то путем революций и баррикад им не светит, свое колесико надежней. Они поддержат всей своей инертной массой любое правительство, лишь бы оно не препятствовало их частной инициативе (проще говоря, не мешало барахтаться в груди мелких личных проблем, составляющих

¹ «Википедия» дает такое определение: «Средний класс – совокупность социальных слоев населения, занимающих в стратификационной системе общества промежуточное положение между [низшим классом](#) (бедными) и [вышим классом](#) (богатыми). В развитых странах средний класс составляет наиболее многочисленную группу населения. Функциями среднего класса традиционно считаются стабилизация общества и воспроизводство квалифицированной рабочей силы». Вообще же нынешний интернет переполнен материалами на тему среднего класса, самого разного качества и научности, вызванными именно президентскими выступлениями.

самую суть их экзистенции). Средний класс живет, не поднимая головы, уткнувшись рылом в землю, в почву (в лучшем случае – в кормушку), ему не до высокого вообще и не до политики в частности. И революционер, преобразователь общества из него – как из дерьма пуля. Средний класс повсеместно социально инертен, его задача – приспособиться, встроиться, выжить.

Средний класс не то что жизни – он сам себе не хозяин. Средний класс не тождествен среднему бизнесу, он социально ниже, это в лучшем случае мелкий бизнес, а в целом – служащие, то есть работающие на дядю (государство или босса), а не на себя, всецело зависимые люди. Которые живут надеждой ухватить свой шанс и пробиться в высший класс, где состоят хозяева жизни. Вот что такое средний класс. А ниже него на социальной лестнице стоят вовсе неимущие, лишенные такой надежды низшие классы: рабочие, крестьяне, обслуга всех сортов, гастарбайтеры, люмпены и т. п. Средний бизнес в понятие «средний класс» уже не входит, ибо средний бизнесмен, в отличие от мелкого, хозяин сам себе. Среди представителей среднего класса могут в виде исключения встречаться отдельные удачливые более-менее независимые люди. Например, профессор, получивший наследство, пристойную ренту. Но ставить знак равенства между средним классом в целом и «социально состоявшимися людьми» ни в коем случае нельзя, это безграмотно. Гигантский средний класс – не есть общество всеобщего благоденствия.

Итак, властям нужен средний класс, чем больше тем лучше. Несомненно и очевидно. Но откуда же Медведев и К^о возьмут такое количество «среднего класса»? Путь тут возможен только один: переработка общественной структуры, доставшейся им в наследство от советского общества. А какова она была? Напомним.

Согласно последней советской переписи, в РСФСР примерно 30% населения занималось умственным трудом (интеллигенция), примерно 12% занималось сельскохозяйственным трудом (крестьяне), а остальные примерно 60% приходилось, в основном, на рабочий класс и, немного, на маргинальные группы населения.

Особенно в этой структуре мне хочется выделить высокий процент интеллигенции. Последняя дореволюционная перепись указывала, что умственным трудом в России было занято всего 2,7% населения. За семьдесят лет советской власти этот процент гигантски возрос – в одиннадцать раз! Мы по данному показателю обогнали практически все страны мира, почти сравнялись с ФРГ (35% интеллигенции) и имели перспективу догнать США (40% интеллигенции). Интеллигенция в СССР превратилась в мощный класс, в общественный гегемон, что вполне соответствовало превращению науки в главную производительную силу современности. Таково было важнейшее позитивное достижение всего советского периода, его оправдание и гордость. Такова была духовная и интеллектуальная платформа нашего дальнейшего прогресса, основа наших надежд на достойное будущее, на передовую роль нашей державы в XXI веке.

Перестройка и крах советской власти нанесли колоссальный удар по этой платформе, раздавили эти надежды. Большинству бюджетной интеллигенции пришлось выбирать: либо расстаться со статусом интеллигента и встать, условно говоря, за прилавок (знаю по себе, как невероятно трудно было в 1990-е гг. удержать свой статус и не скатиться в лабазники), либо пойти на такие лишения, которые, собственно, отнимали у статусного интеллигента все обаяние его статуса, превращали его в люмпен-интеллигента, едва ли не в горьковского босяка (без всякого романтического флера). Основная масса творческой интеллигенции тоже оказалась не при деле (выиграли от перестройки единицы, как наиболее талантливые, так и просто наиболее пробивные, наглые, пошло-популярные). Огромное количество научной и научно-технической интеллигенции уехало на Запад. Перестройка системы образования повелась и ведется с таким расчетом, чтобы закрепить данные тенденции. Вместо того, чтобы экспортировать идеи, изобретения, Россия экспортирует интеллигенцию – носителя и творца идей и изобретений. Напомню, что сегодня в бюджете США две трети поступлений прирастают не от произ-

водства товаров, а от продажи патентов и лицензий, от продукта чистого умственного труда. И треть этой суммы, в свою очередь, обеспечивают Америке выходцы из бывшего СССР. Россия самым бездарным образом разбазаривает ресурс, сопоставимый с нефтегазовым экспортом, и чем дальше тем хуже. А оставшаяся в стране интеллигенция вынуждена едва ли не ежедневно делать выбор: лабаз или НИИ, прилавок или письменный стол...

Итак, один ресурс, за счет которого Кремль намерен наращивать средний класс, ясен: это российская, русская интеллигенция, процент которой обречен снижаться за счет эмиграции и деклассирования. Наследственная ненависть и недоверие к интеллигенции, из поколение в поколение хранимая и лелеемая во властных российских структурах (что при царе, что при советах), проявляется сегодня в осознанной социальной политике. Советы ненавидели интеллигенцию («прослойку между классами», «не мозг нации, а говно»), но все же выращивали ее, понимая острую государственную необходимость этого. Но нынешняя власть может позволить себе не заморачиваться такими пустяками, как интересы России.

Второй ресурс, понятное дело, – рабочий класс. Это значит, что мы смело можем прогнозировать дальнейшую деиндустриализацию страны, ее промышленную деградацию. Медведев и его советники, видимо, нисколько не сомневаются в такой перспективе, но оценивают ее положительно. Плевать, что российская промышленность развалится и высвободит миллионы рабочих рук: ведь за счет этого возрастет средний класс! Непонятно, правда, на какие шиши вчерашние рабочие раскрутят свой мелко-мельчайший бизнес и кто станет покупать их продукцию и услуги, если этими товарами и услугами будет обмениваться между собою вчерашний пролетариат. Так и до натурального обмена недалеко.

Единственный класс, который не пострадает, а наоборот, расцветет при переходе на образ жизни среднего класса, это крестьянство в силу своей и без того мелкобуржуазной природы.

Таким образом, социальные контуры грядущей России нам становятся более или менее ясны. Они именно таковы, как я и сказал вначале: минимум интеллигенции, минимум рабочего класса, максимум мелкобуржуазного элемента. Ну, и поскольку постсоветское чиновничество (а это господствующий класс нашей современности) выявило только одну тенденцию с 1991 года, а именно тенденцию роста, то оно и займет основную часть оставшегося свободным от среднего класса сектора. (Попробуй, его подвинь!) Плюс какое-то количество армейских и полиции.

Государство лабазников и чиновников. Прелестная перспектива!

* * *

Что можно противопоставить этой мерзкой антиутопии, которую Кремль обязуется превратить в жизнь?

Только одно: диктатуру интеллигенции. Таков ответ стратега.

Как ее осуществить? Предлагаю тактикам задуматься над этим.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА РАСПУТЬЕ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ

(Сокращенный вариант опубликован под названием
«Двести лет из истории русской интеллигенции»
в ж-ле «Наука и жизнь» №3, 1991 г.)

В ПОСЛЕДНИЕ годы тема интеллигенции, которой избегали касаться публицисты в течение долгих десятилетий, вновь зазвучала со страниц наших газет и журналов.

Как из подполья, вышла она из научных книг и статей, кабинетных дискуссий, чтобы стать предметом широкого обсуждения, всеобщего осмысления.

Крайняя необходимость обращения к этой теме понятна. В масштабах мира интеллигенция выдвинулась на роль общественного и политического лидера. В ее руках – точнее, головах – находятся сегодня судьбы человечества.

Научно-техническая революция XX века показала, что *ведущей производительной силой современности*, преобразующей не только способ производства, но и всю жизнь, *стала наука*. Она рождается в мозгах интеллигентов. В кабинетах и лабораториях, а не в поле и у станков были открыты теория относительности и расщепление ядра, созданы искусственный интеллект и принципы «зеленой революции». Именно и только наука создает современные средства как уничтожения человечества, так и его спасения.

До недавнего времени во всех, а сейчас еще во многих странах интеллигенция не влияла на использование этих средств, всецело отчуждалась от результатов своего труда. Но в ведущих государствах мира ныне правительства состоят из представителей интеллигенции, и опираются они в выработке решений на мнение экспертов и ученых: политологов, экономистов, юристов, историков, физиков, географов... Иными словами, политические концепции, определяющие общественное развитие стран, а в конечном счете – планеты, также есть плод деятельности интеллигенции.

Все это подтверждает: *решающей общественной силой, подлинным всемирным классом-гегемоном стала ныне интеллигенция*. Поэтому в России особенно бросались в глаза долгое и упорное третирование интеллигенции, а также официально провозглашаемая «ведущая» роль рабочего класса.

Да полно, был ли когда-нибудь рабочий класс гегемоном? Известно, что в древности, чтобы разрушить некое укрепление, применяли таран – огромное бревно с массивной бронзовой головой барана на конце. Под сокрушительными ударами этой бараньей головы разваливались стены, разлетались в щепки крепостные ворота. Но сам-то таран не мог выбирать, куда бить: его направляли мастера своего дела. Конечно, твердыня самодержавия, а за ней и хлипкая постройка буржуазной демократии в России пали при значительном участии революционных рабочих. Но пользовался ли когда-нибудь у нас рабочий класс реальной политической властью? Мог ли прямо влиять на ход дел в стране? Нет; сделавший свое дело таран остался лежать во рву у разрушенных стен, не имея инициативы, постепенно погружаясь в трясины равнодушия, деградации, пьянства. А все самое лучшее, живое, на что рабочие были способны в своем потомстве, перетекало тем временем в состав инженеров, управленцев, офицеров и других отрядов все той же интеллигенции. Между тем, все восемьдесят лет рабочему классу безудержно льстили, как всегда льстят временщикам – грубо, нагло, лживо. Чтобы крепче спал.

Но может быть, в меняющемся мире рабочий класс сможет, наконец, возложить на себя бремена власти, давно обещанной ему политиками? Вряд ли. Чтобы вести за собою общество, надо знать, куда идешь, а иначе получится лишь новая иллюстрация к известной басне о слепом поводыре слепых. Полуобразованная партократия уже побывала в этой роли. Переход власти в руки рабочих – еще менее образованного контингента – может трансформировать подобную картинку в еще более парадоксальную: слепой поводырь зрячих. То-то цивилизованный мир подивится: ну надо же, что в этой России возможно!

Итак, пристальное внимание в мире и стране к нашей интеллигенции оправдано и понятно. Вырвется ли СССР из ранга развивающихся стран, осуществит ли прорыв к благополучию и свободе? Это во многом зависит от того, займет ли интеллигенция в нашей общественно-политической структуре такое же место, какое занимает она в странах, достигших расцвета. Зависимость здесь прямая.

Вопрос этот – жизненно важный. Это понимают и ощущают очень многие. Поэтому потребность обсудить со всех сторон данную социальную группу резко поднялась, и никаким плотинам ее не удержать.

Однажды в истории России так уже было – в период трех революций, когда в самых разных своих аспектах тема интеллигенции заполнила умы читателей. Страна стояла перед новым, неизвестным будущим, ей грезилась «неслыханные перемены,

невиданные мятежи». Русскую интеллигенцию ждала темная, грозная участь; ей надо было подвести итоги своему прошлому и настоящему, чтобы понять, на что она способна, определить, что делать и как быть.

Сейчас в стране вновь сложилась революционная ситуация, когда «низы» не хотят жить по-старому, а «верхи» не могут, если б и хотели, управлять по-старому.

И снова перед нацией в целом и интеллигенцией в частности встают те же вопросы: что такое интеллигенция? что может и чего не может она? каковы ее задачи?

Тогда, в начале века, интеллигенция не угадала своей судьбы, в массе своей оказалась растерянной и беспомощной перед могущественными обстоятельствами. И сама она, и страна расплатились за это дорогой ценой. Мы не имеем права повторить этот опыт.

Теперь условия для решения подобных проблем не те, что были тогда. Изменилась жизнь в стране и мире, изменился народ, изменилась сама интеллигенция. Между тем, представления о ней сегодня, как и сто лет назад, расплывчаты, неисторичны. Это значит, что без философского взгляда на историю русской интеллигенции, включая анализ ее потерь и приобретений за последние семьдесят лет, нельзя найти подхода к уяснению ее путей, перспектив.

Позволю себе поделиться некоторыми наблюдениями и соображениями на этот счет. Если они будут в основном приняты – хорошо, если нет – пусть будет спор. Молчать нельзя.

* * *

ВНАЧАЛЕ – необходимая справка о дефиниции, о предмете разговора.

Что следует понимать под словом «интеллигенция»? Сразу огорчу и огорошу читателей: такого единственного, функционального, внутренне непротиворечивого и всех устраивающего определения интеллигенции не дал еще никто в мире за сто с лишним лет. Хотя попыток было много, и они все не кончаются. Вот выразительные примеры из моей коллекции:

– «интеллигенция, в значении собирательном, разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» (В. Даль);

– «интеллигенция есть та часть нашего образованного общества, которая с наслаждением подхватывает всякую новость и даже слух, клонящиеся к дискредитированию правительства или духовно-православной власти, ко всему же остальному относится с равнодушием» (К. Плева, шеф жандармов);

– «интеллигенция – ломовая лошадь истории» (М. Горький);

– «интеллигенция есть группа, течение и традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей» (Г. Федотов, философ);

– «интеллигенция... не масса индифферентная, а совесть страны и честь» (А. Вознесенский);

– «интеллигенция есть этически – антимещанская, социологически – внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности... К группе интеллигенции может принадлежать полуграмотный крестьянин, и никакой университетский диплом не дает еще права его обладателю причислять себя к интеллигенции» (Р. Иванов-Разумник, литературовед, социолог);

– «я перевожу словом интеллигент, интеллигенция немецкие выражения *Literat*, *Literatentum*, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (*brain workers*, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда» (В. Ленин).

За каждой из этих цитат стоит целое мировоззрение. Различия разительные. А ведь это лишь малая толика мнений. Современная мировая социологическая наука насчитывает свыше трехсот определений интеллигенции, не считая тех, что ежедневно рождаются в спорах и беседах. Терминологическим кризисом охвачено как отечественное, так и зарубежное «интеллигентоведение». Где же истина? Кто прав?

КАПИТАЛЬНОЙ «Историографии интеллигенции», которая бы ответила на эти вопросы, сегодня нет. Есть только начатки ее, разбросанные в неопубликованных диссертациях. Но можно наметить два исторически сложившихся подхода к проблеме.

Вкратце, водораздел проходит таким образом: одно направление выдвигает на первый план идейно-этические, неформальные критерии, а другое – социально-экономические, формальные.

В России первого направления придерживались все мыслители народнической ориентации, а также представители кадетско-веховской идеологии. Но только те интеллектуальные и моральные свойства интеллигенции, которые вызывали у народников восторг, веховцами по большей части порицались и высмеивались.

Ко второму направлению у нас относились анархисты и марксисты, хотя и между ними не было согласия в оценках. Анархисты считали, что интеллигенция – это новый «эксплуататорский класс», который как класс «характеризуется монопольным и наследственным владением знаниями, средствами интеллектуального производства» (А. Вольский). Марксисты давали отпор анархистам в этом вопросе, более реалистично смотрели на интеллигенцию, видели ее глубокое социальное расслоение.

И тот, и другой подходы небезупречны. Особенно часто, можно сказать, *традиционно*, в среде русской интеллигенции критикуется социально-экономический подход из-за его формальности. Интеллигенции, как правило, не нравится, чтобы ее именем было покрыто все множество образованных и профессионально занятых умственным трудом людей. Как: следователи Лубянки, инженеры Освенцима – интеллигенты!?! Ну нет! В них же нет интеллигентности: творческого духа и нравственных критериев деятельности.

Но и другой подход, с идейно-этическим аршином, несет в себе разрушительные противоречия, грешит прекрасодушием и утопизмом. Он либо сужает предмет разговора до считанных единиц интеллигенции, о которых заведомо всем известно, что они творчески одухотворены и высоконравственны. Либо, напротив, если образованность не берется в расчет, безгранично расширяет понятие, так что в интеллигенцию попадает «полуграмотный крестьянин» (см. выше) или «какая-нибудь доярка» (А. Солженицын). Я уже не говорю о том, что, вступая в область морали, нравственности, мы попадаем на чрезвычайно зыбкую почву, где

многое определяется ничем иным, как верой, традициями, предрассудками. Критерии нравственности условны – это понимал еще Монтень, возможно, плохой христианин, но мудрый философ. Примерами, мягко говоря, неоднозначной нравственности интеллигентов разных времен и народов можно завалить с головой любого оппонента.

Интеллигенция не обладает никакой монополией на моральное поведение, и по этому признаку ее не вычленишь, не отграничить от других социальных групп. А значит, нельзя выстроить ее социологию, нельзя понять, каков ее удельный вес в обществе, каковы ее социальные границы, ее социально-экономические проблемы, отношения с другими группами, перспективы развития. Это значит также, что нам не удастся создать и истории интеллигенции, если отойти от формальных критериев и обратиться к неформальному – к «интеллигентности». Можно написать историю образования, науки и искусства – историю людей умственного труда, т.е. интеллигенции в формальном понимании слова. Но невозможно написать историю нравственных людей, ибо мало того, что придется ограничиться редчайшими представителями, но на каждом шагу нам придется решать методом догадки вопросы типа: не был ли «убийцею создатель Ватикана». А без капитальной истории интеллигенции мы не сможем понять ни ее сущностные, вневременные свойства, ни выделить исторически изменчивые, преходящие качества. То есть будем по-прежнему иметь тот сумбур в представлениях об интеллигенции, который имеем до сих пор.

Итак, с моей точки зрения, в житейском обиходе идейно-этический («народническо-веховский») подход к определению интеллигенции, возможно, и хорош. В быту он «работает». Более того, в жизни должно быть место для нравственного идеала, и если кто-то усматривает этот идеал в русском дореволюционном интеллигенте, то общество от этого только выигрывает. Но *в серьезном, научном разговоре следует опираться исключительно на формально-социологический подход*, помня при этом, что интеллигенция, нравится нам это или нет, крайне неоднородна во многих отношениях. Такой подход объективен, широк, он включает в себя и градацию по идейно-этическому признаку.

Интеллигенция может делиться на нравственную и безнравственную, творческую и косную, блистательную и серую: но самый высоконравственный человек, не имеющий образования и не занятый умственным трудом – не интеллигент.

Разумеется, такое утверждение нисколько не снимает с интеллигента ответственности за нравственный выбор.

Исходя из формально-социологической концепции, я попытаюсь назвать несколько «родовых» свойств интеллигенции, исторически неизменных, внимание к которым обусловлено именно силой их постоянства. Здесь же скажу о некоторых особенностях ее развития, закономерно повторяющихся в разных общественных формациях. Все прогнозы о будущем интеллигенции следует составлять с учетом этих свойств и особенностей.

* * *

ПЕРВОЕ. Как только что говорилось, социологическое понимание интеллигенции как совокупности образованных людей, занятых умственным трудом, предполагает сложную градацию этого контингента. Ведь здесь объединены люди разных уровней – от программиста компьютерных систем или сельского бухгалтера до духовных лидеров страны. Разное у них образование, разный духовный мир, разные материальное и социальное положения, разные приоритеты. Поэтому трудно указать более неоднородный класс людей, чем интеллигенция. Конечно, мы не забудем, что внутри, скажем, рабочего класса есть и рабочая аристократия, и рабочие – акционеры собственного предприятия, и пролетариат, и люмпен-пролетариат. Между этими группами есть известные противоречия. Но *в силу того, что из всех классов интеллигенция – самый идеологизированный, противоречия внутри нее достигают особой остроты.* Это чрезвычайно важное обстоятельство. Оно во многом определяло и определяет ее судьбу.

ВТОРОЕ. Указанная неоднородность интеллигенции имеет тенденцию в определенных условиях превращаться в разобщенность и внутригрупповой антагонизм. С чем это связано?

Среди различных градаций интеллигенции выделяется профессионально-социальная. Что это значит?

Умственный труд интеллигенции обслуживает разные потребности разных слоев населения. В зависимости от того, чьи потребности она обслуживает, интеллигенцию можно разделить на три порядка.

В интеллигенцию *Первого порядка* можно выделить те ее отряды, которые необходимы всем примерно в равной мере: это врачи, учителя, инженеры, юристы, офицеры, священники, некоторая часть так называемой творческой интеллигенции. Их социальная задача – обслуживание потребностей всего населения в целом.

Интеллигенция *Второго порядка* обеспечивает своими трудами специфические потребности в первую очередь и главным образом самой интеллигенции: это историки, философы, богословы, социологи, литературо- и искусствоведы, некоторая часть писателей, композиторов и художников и т. п.

Наконец, существует интеллигенция *Третьего порядка*: это генераторы основополагающих идей, развивающих мир и определяющих деятельность всей интеллигенции в целом.

Деление интеллигенции на порядки позволяет ставить вопрос об отличиях в мировоззрении, в жизненных установках тех, кто принадлежит к разным порядкам. А ретроспективная социология расставляет в этом утверждении еще более четкие акценты.

Поясню на примере. Анализ русской истории XVIII—XIX вв. позволяет заметить следующее. В условиях после свершения очередной социальной революции, когда социальная структура новой общественно-экономической формации еще не приобрела жесткость, интеллигенция всех порядков рекрутируется из всех классов и сословий без особого разбора. Так, в первой трети XVIII в., когда в результате петровских реформ начинает складываться дворянская империя, то в инженерных, военных, медицинских, духовных школах мы встречаем детей дворян, поповичей, разночинцев и даже дворовых, учившихся бок о бок вместе. А у колыбели русской литературы Нового времени также на равных правах стоят представитель духовенства Ф. Прокопович, дворянин А. Кантемир, разночинец В. Третьяковский и выходец из крестьян М. Ломоносов. Иную картину мы застаем в конце века: система обучения стала строго сословной, а в результате – интеллигенция Первого порядка (за исключением офицерного корпуса.) создавалась исключительно за счет выходцев из непривилегированных слоев, в т.ч. духовенства, растерявшего основные привилегии. Зато среди литераторов (интеллигенция Второго порядка) на долю потомственных дворян приходилось 46%, а еще почти 20% литераторов – дворяне по выслуге. И вообще все лучшие, хрестоматийно известные поэты и писатели тех лет – поголовно урожденные дворяне: Сумароков, Фонвизин, Херасков, Новиков, Радищев, Державин, Крылов, Измайлов и другие.

Аналогичный путь развития проходит русская интеллигенция и в буржуазной России, начиная с середины XIX в., когда не имеющая еще своей интеллигенции буржуазия вербует ее из всех слоев населения, обеспечив тем самым известное культурно-политическое движение русского «разночинца». Но по мере того, как капиталистические отношения развиваются и крепнут, разночинную интеллигенцию вновь вытесняют на культурную периферию представители сословий, господствующих либо в политической, либо в экономической сферах. Предоставляя при этом разночинной интеллигенции преимущественное вхождение в Первый, а себе – во Второй порядок. Революция 1917 г. (Октябрьская) прервала и отчасти притормозила этот очередной цикл, но сейчас, в новых условиях и на новом человеческом материале он вновь наберет силу.

Сказанное позволяет предложить гипотезу, согласно которой формирование первых двух порядков интеллигенции происходит в обществе не стихийно, а по вполне определенной

модели. А именно: *по мере становления новой формации с ее особым политико-экономическим и социально-культурным укладом, господствующим де-юре или де-факто классы и сословия создают свою интеллигенцию, которая вскоре с успехом претендует на роль общественного и культурного лидера, оттесняя с этого места разносословную непривлекательную интеллигенцию.* То есть, в рамках процесса развития формации от зарождения до распада вероятность того, что врачом или инженером будет, условно говоря, «дворянин», а искусствоведом или философом «разночинец», – максимальна в начале и минимальна в апогее.

Подобное сословное расслоение деятелей умственного труда, в силу того, что в нем участвует *осознанная воля* людей, есть процесс хотя и естественный, но как бы и насильственный. А потому весьма болезненный. Поэтому социальная напряженность между различными отрядами, слоями интеллигенции, и без того немалая из-за материального и другого неравенства, имеет тенденцию к обострению по мере созревания общества. В результате общество, заметно выигрывая в сфере культуры, столь же заметно проигрывает в смысле консолидации.

Данная закономерность не имеет отношения к интеллигенции Третьего порядка, ибо природа гениальности обусловлена причудливой игрой генов и целым рядом иных, не зависящих от людей обстоятельств, и в принципе не имеет, по-видимому, жесткой связи с социальным происхождением.

ТРЕТЬЯ родовая особенность интеллигенции обнаружена давно. Это ее индивидуализм. Он глубоко обусловлен образом формирования и бытия интеллигенции. Процесс созревания интеллигента (несмотря на то, что его обучение происходит поточным методом и в коллективе) глубоко индивидуален, ибо знания, навыки не столько даются, сколько берутся; это процесс творческий, сильно зависящий от личности обучаемого. Интеллигент всегда, таким образом, – продукт «штучный». И в дальнейшем условия жизни и труда большей части интеллигенции на каждом шагу акцентируют *личностное начало, которое и осознается ею как высшая ценность.* Отсюда свойственные интеллигенту повышенное чувство личной ответственности, его пристрастие к людям, вещам и поступкам, отмеченным яркой индивидуальностью, его стремление «быть не как все», нелюбовь к массе и массовому и т. д.

В индивидуализме интеллигенции – *ее слабость и ее сила.* Как слабость это свойство охотно отмечалось политиками, в частности, В. И. Лениным, который подчеркивал, что «в этом состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата» (ПСС, т. 8, с. 254). Но в этом же свойстве коренится и то мужество, та стойкость, с которыми бесчисленные интеллигенты от Сократа и протопопы Аввакума до Солженицына смели противопоставлять свою, продиктованную совестью и убеждением, позицию – давлению огромных человеческих масс: коллектива, толпы, государства, а порой и целого народа. Поэтому, как ни парадоксально, *интеллигент гораздо «боееспособнее» бывает зачастую в одиночку, чем в составе какого-либо союза, группы.* Забывать об этом нельзя.

ЧЕТВЕРТАЯ особенность интеллигенции видится производной от индивидуализма: обостренная любовь к свободе, тяга к независимости. Эта любовь может быть разных тонов и оттенков – от байроновского романтизма до либерализма, революционного демократизма или анархизма. О внутренней обусловленности свободолюбия интеллигенции ее индивидуализмом прекрасно написал еще Карл Каутский, говоря о том, что *оружие интеллигента – «это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы»* (перевод В. Ленина). Но полная свобода проявления собственной личности – это такое требование, исполнение которого очень жестко ограничивается общественными условиями. И осознание этого факта с неизбежностью приводит интеллигентского бунтаря-одиночку к общественной борьбе за «демократические свободы» слова, печати, собраний и т. д.

ИТАК, что же мы видим? Значительная неоднородность, внутренняя разобщенность, обостряющаяся по мере созревания общества и отягченная «махровым» индивидуализмом, – таковы объективные свойства интеллигенции в целом. И при этом – неодолимое, экзистенциальное стремление к свободе, борьба за нее, борьба, требующая единения, сплоченности. В этом мне видится главнейшее диалектическое противоречие, оплодотворившее историю интеллигенции, но и сообщившее этой истории трагический характер, особенно в условиях России.

На этом я заканчиваю по необходимости краткий обзор «родовых» свойств интеллигенции, чтобы взглянуть на судьбы русской, а затем и советской интеллигенции.

* * *

ЧАСТЕНЬКО из уст наших доморожденных философов слышишь, что-де интеллигенция – сугубо российский феномен, в других странах ее якобы нет: там-де – «интеллектуалы». Мне думается, причина этой распространенной аберрации в том, что условия, в которых формировалась интеллигенция второй половины XIX в., наложили на ее облик оригинальный отпечаток. Отраженный в публицистике, художественной литературе, кинематографе, преданиях поколений, этот облик вскоре после 1917 г. превратился в ностальгический образ, исполненный былых и мнимых достоинств, в некий эталон, в сравнении с которым наш современный интеллигент как бы уже заслуживает лишь звания интеллектуала (а про зарубежных и говорить-то нечего: всегда были таковы). Среди различных черт этого «милого сердцу образа» выделяются три основных:

- отчаянная оппозиционность по отношению к любому правительству,
- глубокая идейность и
- народолюбие, доходящее до народопоклонства.

Попробуем разобраться, что же в действительности представляла собой российская интеллигенция от истоков? Как она создавалась и что с нею стало? С чем подошла она к роковому рубежу 1917 г.? Не была ли она и впрямь феноменальна? И тогда, может быть, правы те, кто обвиняет ее в деградации? Или же ее своеобразие попросту ушло вместе с условиями, его породившими, обнажив независимую от времени и места суть интеллигенции? Итак, обратимся к истории, чтобы добраться до корней «особенности» русской интеллигенции.

К 1917 ГОДУ история русской интеллигенции насчитывала уже двести лет. Впрочем, в виде одиночек, а затем диаспоры, интеллигенция, т.е. образованные, занятые умственным трудом люди, была и в Древней Руси. Как была она в античных Египте, Греции и Риме, в средневековой Европе и т. д. Десятки и сотни тысяч ученых монахов, сочинителей и переписчиков литературы, архитекторов, художников-иконописцев, ювелиров, инженеров, врачей – населяют нашу допетровскую историю. Но только при Петре начинается массовый процесс государственного производства интеллигенции в невиданных дотоле масштабах и социально значимом количестве.

В этом состоит *первая историческая особенность* русской интеллигенции: *она – дитя правительства*, а не длительного исторического процесса, как в Европе. В России не было вольных университетов, рассадников независимого знания, не было и иезуитских школ, коллегиумов, не подчиненных центральной государственной власти. Создание нашей интеллигенции с самого начала было подчинено сугубо практической государственной задаче: обеспечить «потребное количество» представителей умственного труда Первого порядка – инженеров, офицеров, врачей, священнослужителей, послушных абсолютизму. Размах был взят серьезный. Одновременно во всех школах обучались тысячи детей. Во второй половине XVIII в. только на территории самой России, не считая Украины, Сибири, Польских областей и т.п., насчитывалось до 317 тыс. лиц, получивших начальное образование в стенах государственных учебных заведений. А еще минимум 47 тысяч окончили специальные ученые заведения, получили интеллигентские профессии, стали интеллигенцией своего времени. В том

числе примерно 15 тысяч относительно высокообразованных специалистов вышло из сословных дворянских корпусов и училищ. Названные цифры не учитывают значительное количество крепостной интеллигенции – музыкантов, врачей, актеров, художников. Впервые в России, особенно в столицах, сложился подобный количественно значительный и относительно обособленный контингент образованных людей. Культурная и общественная ситуация в этой связи резко изменилась.

Как же получилось, что в среде российской интеллигенции, рожденной по мановению самодержавия, возникло оппозиционное течение? Почему определенная часть интеллигенции пошла против правительства?

Мне кажется, что стремительный рост интеллигенции, а с ней и культуры – это только одна сторона дела. Другая состояла в том, что интеллигенция не только росла, но и поляризовалась. На одном полюсе оказывалась немногочисленная высокообразованная дворянская интеллигенция, на другом – почти в три раза более многочисленные, но далеко не столь широко и блестяще образованные интеллигенты из непривилегированных слоев.

Соответственно расслаивалась и культура. Кабинеты дворян-литераторов превратились в лаборатории духа, где совершались наиболее важные открытия, в частности, в области словесности. По заказу высокопросвещенного дворянского вкуса интеллигенцией Второго порядка создавались шедевры архитектуры, музыки и живописи, собирались библиотеки. Рафинированная культура высших слоев была весьма эзотеричной, «для своих». Параллельно в кругах непривилегированной интеллигенции доживали свой век эстетические приоритеты давно минувших эпох, в том числе литературные памятники петровского времени и даже более ранние. (Культурное отставание широких кругов интеллигенции Первого порядка, которые в силу материальных и социальных обстоятельств не могли подняться к вершинам просвещения своего времени – есть явление, вообще характерное. Именно оно объясняет, например, почему в дни жизни Пушкина наибольшей популярностью у широкой публики пользовались Бенедиктов, Марлинский и Кукольник, а в дни жизни Блока – Фофанов и Бальмонт.)

Культурная дифференциация усугубляла общественную напряженность, несла с собой конфликт мировоззрений, четко разводила жизненные позиции на «благородное расстояние». Этот конфликт дошел до нас в литературной полемике тех лет. Дворянская интеллигенция подвергалась насмешкам и уязвлениям со стороны интеллигенции «демократической»². Но если бы только ее! В составе собственного класса дворян интеллигенты того времени представляли собой маленькую группку – всего около 10%. Крохотный островок просвещения в океане невежественного и спесивого варварства... Не здесь ли следует искать ответ на наш вопрос? Сатира Сумарокова, Новикова, Фонвизина, Радищева и Крылова напоминает нам о том, сколь непросто и двусмысленно было положение дворянской интеллигенции внутри «своего» класса и под эгидой «своего» правительства.

Литературная борьба, начатая сатириками, быстро перенеслась на поле самой жизни, обернулась борьбой политической. Позиция правительства было логична и понятна: оно не могло делать ставку на образованное меньшинство, как бы умно и симпатично оно ни было, а должно было опираться на могущественное, хотя и косное большинство и, вместе с тем, выражать его волю и интересы. Силой этих обстоятельств просвещенное дворянство становилось оппозицией. Возникло явление «дворянской фронды», проявившееся уже в 1760-е гг.

Лиха беда – начало. Все перечисленные писатели подверглись гонениям, многие кончили весьма плохо, их судьбы были сломлены. Статистика судебных преследований эпохи Павла Первого однозначно указывает на главный объект репрессий: просвещенное дворянство. Подобной статистики екатерининского царствования нет, но разгром московских масонов, объединявших именно дворянскую интеллигенцию, процессы Радищева и Новикова, раз-

² Как тут не вспомнить пушкинского «геральдического льва», которого осел лягает «демократическим копытом».

гром и закрытие типографий П. Богдановича, И. Рахманинова, Типографической компании – все это акты той же политики. Дворянская интеллигенция, со своей стороны, пыталась ограничить самодержавие: в 1760-е гг. посредством известного проекта Н. Панина, не осуществленного, в 1801 г. – посредством осуществленного царевубийства, в 1816—1825 гг. – деятельностью тайных декабристских обществ.

Но неверно думать, что вся интеллигенция была оппозиционна. Ничего подобного. Недворянская интеллигенция, нападая на дворянство, до небес при этом превозносила правительство, была практически стопроцентно лояльной. В правительстве она видела свою опору и защиту, гаранта своего будущего благополучия. Правительство ценило эти настроения, обрушивая свой гнев не на интеллигенцию вообще, а именно и сугубо на просвещенное дворянство. Впрочем, последнее не было однородно в политическом отношении: «гасильников» хватало.

Все же отметим, что русская интеллигенция оказалась своего рода гомункулусом: появившись по воле правительства в начале XVIII в., уже через два-три поколения она начинает вести себя не совсем так, а к концу века и совсем не так, как предполагал ее создатель.

Всегда и у всех вызывает удивление, что именно дворянская часть интеллигенции, которой, казалось бы, не на что было жаловаться и было что терять, пошла по пути борьбы с самодержавием³. Чего ей, спрашивается, не хватало? Частично, мне думается, ответ получен: само положение просвещенного меньшинства обязывало к оппозиции. Видя несовершенство общественного устройства, образованный дворянин-патриот не мог молчать и отстраняться. Кроме того, извечное стремление к свободе, которое, как мы помним, коренится в самой природе интеллигенции и плохо согласуется с авторитарными формами правления, толкало ее на тот же путь противостояния с самодержавной властью. Наконец, материальная независимость и сословные привилегии придавали смелости в борьбе за независимость духовную. Дворянина нельзя было подвергнуть унизительному наказанию, даже в отставке и опале он не лишался источника существования. Да и где бы, скажем, Радищев, Новиков, Богданович или Рахманинов печатали свои крамольные книги, не имей они возможности завести типографии на собственные деньги?

Путь антиправительственной борьбы был не только *неизбежен* для русской интеллигенции, но и *трагичен*. Одна из причин этого трагизма – неоднородность, разобщенность интеллигенции, о чем уже говорилось. Другая состоит в том, что в дореволюционной России вся интеллигенция составляла мизерную часть населения. В ее лучшие годы, в начале XX века, на одного интеллигента приходилось более тридцати неинтеллигентов. Такая статистика, такой баланс.

Чем обернулась эта малочисленность? Посмотрим.

ФРОНДА дворянской интеллигенции, проявившаяся уже в 1760-е гг. в литературе и проекте ограничения самодержавия, выливается впоследствии в декабризм. Понятно, что *декабризм – не начало дворянской революционности, как порой считают, а ее апогей*. Декабристы выросли на свободолобивой литературно-политической традиции, идущей от Сумарокова к бесцензурным стихам Дениса Давыдова, Пушкина и Рыльева, от проекта Панина – к «Конституции» Муравьева и «Русской правде» Пестеля.

Декабристы не имели иной опоры в обществе, кроме самих себя. Ни народ, общего языка с которым они найти уже не могли (так велика стала за сто лет культурная и социальная пропасть между ними), ни разночинная интеллигенция, уповавшая на правительство и не доверявшая дворянам-интеллигентам, ни, тем более, невежественные и развращенные «братья по классу» – не пошли бы за ними. То обстоятельство, что большинство декабристов стояло во главе различных воинских подразделений, спровоцировало некоторых из них

³ Знаменитой стала реплика Ф. Ростопчина по поводу декабристов: во Франции восстала чернь, чтобы получить привилегии – понятно; в России восстали представители лучших семейств, чтобы привилегии утратить, – непонятно.

на непродуманные вооруженные выступления, повлекшие за собой колоссальную общественную катастрофу. Тяжелым гнетом тридцатилетнего царствования Николая Первого, с его общественно-политическим террором, губительной задержкой крестьянской реформы и капиталистического развития заплатила Россия за авантюру горячих голов. Вся дворянская культура в целом оказалась «под подозрением», попала под жесткий правительственный контроль. Дворянская интеллигенция, таким образом, сломала себе хребет на Сенатской площади и вскоре распрощалась с положением общественного, а отчасти и культурного лидера.

НО УРОК не пропал даром. Следующие поколения интеллигенции приняли за аксиому, что в своих свободолобивых устремлениях, *в борьбе против самовластья за демократические свободы ей следует опираться не на себя, а на силу широких народных масс.*

В 1860-е гг., когда начался новый общественный подъем, такую силу можно было отыскать только *в крестьянстве*. Однако напрасно интеллигенция думала и обольщала себя, что ей удастся слиться с народом в едином движении, что их идеалы совпадают. Хождение в народ интеллигентов провалилось, их не поняли. А когда интеллигенты-революционеры убили «царя-освободителя» Александра Второго, полагая в этом исполнение «народной воли», народ – крестьянство – однозначно осудил это и отвернулся от них. Вопрос *о точке опоры*, к которой можно было бы приложить рычаг оппозиционной энергии, встал с новой остротой.

Такой точкой опоры в конечном счете оказался *пролетариат*. Именно эта социальная сила помогла расшатать государственные устои, а когда царизм рухнул – смести буржуазно-демократическую республику и установить диктатуру партии большевиков.

Однако такой результат был совсем не то, на что рассчитывала интеллигенция. Она сама была им ошеломлена. Николай Бердяев в феврале 1918 года начал передовую статью журнала «Народоправие» характерными строками: *«Русскому интеллигентному обществу, выброшенному за борт жизни в дни торжества его заветных идей и упований, предстоит многое переоценить».*

Правда, заметная часть той интеллигенции, которая возлагала надежды на рабочий класс, которая разбудила и провела через политический ликбез эту грозную силу, еще в годы первой русской революции поняла, что им не по пути. И отхлынула из партии эсдеков в только что созданную партию кадетов. А когда разразилась Февральская революция, свершившая все, что было нужно с точки зрения интеллигенции, независимо от ее партийной принадлежности, тогда, как констатировал Шестой съезд РСДРП (июль-август 1917): «Отлив интеллигенции из рядов пролетарской партии, начавшийся в 1905 г., стал массовым». Интеллигенция одумалась, да было уже поздно.

ИТАК, всегда, опираясь на себя ли самое, или ища опору в более мощных социальных контингентах, наша малочисленная, разобщенная интеллигенция и так, и эдак до сих пор проигрывала. Фатально ли это обстоятельство? Некоторые соображения по этому поводу рождает анализ истории упомянутой партии кадетов.

* * *

ИСТОРИЯ кадетской партии и ее борьбы с большевиками лишь в недавнее время получила у нас подробное освещение в монографиях В. В. Шелохаева и Н. Г. Думовой. Эта партия, возглавлявшаяся интеллигенцией высшего разбора, объединявшая в своих рядах большую часть интеллигенции, выражавшая все заветные политические идеалы интеллигенции, с момента своего создания была главным идейным противником большевиков. Требование конституционной демократии было принципиально несовместимо с требованием диктатуры пролетариата и социализма.

Кадеты сделали все, что было в их силах, чтобы не допустить установления в России власти большевиков. Входили во все контрреволюционные правительства, вдохновляли антибольшевистские заговоры, вели агитацию и пропаганду и вооруженную борьбу. *Их упорное, самоотверженное сопротивление позволяет утверждать, что кадетская партия дала*

удивительный пример действенного единения интеллигенции. На этом феномене стоит остановиться подробнее.

В начале статьи уже говорилось, что по своим свободолобивым устремлениям вся интеллигенция родственна между собой. Однако нет более ярых врагов, чем два интеллигента, по-разному представляющих пути к свободе и формы ее осуществления. Материальная, социальная, культурная неоднородность и разобщенность интеллигенции, изначально свойственный ей индивидуализм ведут к тому, что подлинного единства часто нет даже между единомышленниками. **Как только интеллигенция пытается объединиться вокруг неких идей, идеалов (я подчеркиваю: вокруг нематериальных интересов), немедленно и каждый раз воссоздается ситуация: «Лебедь, Рак и Щука».** Ибо каждый понимает своим особым умом эти идеалы по-своему.

За примерами не надо ходить далеко. В истории России было несколько попыток интеллигенции объединиться. Бросим взгляд на них.

ДВИЖЕНИЕ, называемое декабризмом, зародилось в 1816 г. в компании шестерых офицеров, создавших «Союз спасения» или «Общество истинных и верных сынов отечества». Уже в 1820 г. в «Союзе благоденствия», выросшем на этой основе, насчитывалось около 200 членов, ярких представителей дворянской интеллигенции. Выдвинулся ряд лидеров, разгорелась внутренняя идейная борьба. Это привело к самороспуску в 1821 г. раздираемого противоречиями «Союза благоденствия» и созданию, после ряда промежуточных форм, Южного и Северного обществ. Не только эти общества стояли на разных платформах, но и внутри них не было единства, выделялись радикальные и умеренные течения. Общий язык им было найти нелегко. В недолгом времени «разброд и шатание» достигли таких степеней, что ряд наиболее трезво мыслящих декабристов, таких как Н. Тургенев, М. Лунин, П. Чаадаев, А. Грибоедов, П. Катенин и другие, разочаровавшись, отходят от движения. Незадолго до злосчастного восстания сам Павел Пестель, участник еще «Союза спасения», глава Южного общества и вообще центральная фигура декабризма, отчаявшись в общем деле, собрался идти с повинной к императору Александру Первому. А один из лидеров Северного общества, С. Трубецкой, в самый день восстания не пришел к восставшим, провалив все дело, конечно, не из трусости (герой войны 1812 года!), а по внутреннему несогласию с радикалами, возглавляемыми Рылевым. Вновь «объединить» декабристов смогла лишь каторга и ссылка. И то не всех.

Еще одна заметная попытка русской интеллигенции объединиться произошла в 1880 г. в Москве на Пушкинских торжествах. К этому моменту она была весьма основательно разделена на различные идейно-политические группы, вполне непримиримо друг к другу относящиеся. Но на какое-то время показалось, что свершилось чудо: старые распри были забыты, идейные враги вдруг обнялись под сенью пушкинского гения, на один день все почувствовали взаимную любовь и понимание. Забрехал призрак Общего Дела. Дошло даже до того, что министр просвещения А. Сабуров публично облобызался с опальным И. Тургеневым, за что впоследствии был лишен портфеля. Однако уже на завтра начался легкий обмен колкостями, который пошел крещендо, и гости разъехались с праздника еще большими врагами.

История Учредительного собрания, также однодневная, могла бы послужить последним и убедительным примером в пользу тезиса о невозможности объединения интеллигенции, если бы не еще один малоизвестный, но очень выразительный эпизод.

Я имею в виду забытую ныне попытку создать в 1918 г. **Совет интеллигентских депутатов**, наряду с Советами рабочих и крестьянских депутатов. Был созван учредительный съезд, на который прибыли, в основном, учителя и врачи; но съезд разъехался, так и не выработав в ходе дебатов ни программы, ни платформы, ничего...

КАКИМ же образом удалось кадетам просуществовать так долго, не развалиться, не утратить боеспособности? В чем же разница между этой партией и вышеперечисленными неудачными попытками интеллигенции объединиться?

Разница эта не в социальном составе, не в программе, не в лозунгах или лидерах. Разница в том, что кадетская интеллигенция на деле вела борьбу не только и не столько на идейной, сколько на самой что ни на есть материальной почве: борьбу за свои классовые права и интересы, за сохранение своего социального статуса; а затем – и за собственное физическое существование, за выживание.

Кадеты совершенно обоснованно боялись социалистического будущего. Скрытый смысл расхождения кадетов с социал-демократами был в том, что *тотальное социалистическое обобществление средств производства означало, во-первых, конец демократическим свободам как «среде обитания» интеллигенции, а во-вторых и в-главных, конец вообще интеллигенции как особой, относительно привилегированной группы.*

Кадетская и околкадетская интеллигенция хорошо сознавала это. В уже цитированной статье тот же Бердяев, например, писал: «Социал-демократическая идеология бескачественного труда во всем дает перевес количеству, отрицает значение способностей, образования, опыта, призвания и потому неизбежно становится во враждебное отношение к культуре. Устанавливается совершенно механическое равенство, независимо от качеств личности, от культурного уровня. Механический, материалистический социализм рассматривает человека, как арифметическую единицу, как носителя известного количества труда, – для него не имеют значения качественные различия между людьми, для него не существует индивидуальностей с разным весом и разным значением в общественном организме».

История нашего отечества до самого последнего времени вполне подтверждает это обвинение. Неудивительно, что кадетская интеллигенция – современница Бердяева – всеми силами сопротивлялась введению такого порядка вещей, при котором данный прогноз преобразался бы в повседневную явь. Сопротивлялась как единый организм, отбросив идейные тонкости и противоречия как малосущественные перед лицом названных угроз. В этом я вижу сегодня важнейший урок прошлого.

* * *

НО НЕ ВСЕ так просто в истории борьбы кадетов с большевиками. Та социальная и «порядковая» неоднородность интеллигенции, о которой твердилось выше, дала себя знать и тут. В высшей степени характерным предстает такой факт: ряд крупнейших заговоров против Советской власти, организованных верхушкой кадетской интеллигенции – профессорами и т.п., был выдан чекистам рядовыми кадетами – учителями, врачами. С этим фактом в уме мы погружаемся в пучину такой проблемы, как «русская интеллигенция и народ».

Интеллигенция в России всегда много думала о народе, искренне желая облегчения его участи. Это не значит, однако, что она всегда думала о нем в первую очередь и больше, чем о себе. Свободолюбец Сумароков проклинал Пугачева и в прозе, и в стихах. Борцы с язвами крепостничества, Радищев, Новиков, Фонвизин, Грибоедов и не думали отпускать крестьян на волю. В декабризме тема освобождения народа появилась только тогда, когда зачинатели этого движения поняли, что введение конституции и демократических свобод (мечта дворянской интеллигенции) в условиях крепостного права возмутит народ и приведет к новой пугачевщине. А этого они не хотели и боялись. Побаивались народа и либералы 1850-1860-х гг., и те же кадеты, идеологи которых еще в 1909 г. публично заявили («Вехи»), что интеллигенция должна благословлять правительство, которое одно еще только своими штыками охраняет ее от ярости народной. Да и отец русского марксизма Г. В. Плеханов предостерегал, что развязав революционную энергию темного народа, Россия захлебнется в крови.

С чем же связано необыкновенно устойчивое представление о том, что русская интеллигенция отличалась не просто народолюбием, а прямо-таки народопоклонством, что она вся была пропитана чувством долга перед народом и готовностью принести себя ему в жертву? Это представление разделяли и тогда, до революции, и сейчас весьма многие, даже те, кто относится к этой черте интеллигенции с неодобрением. Но не может же быть дыма без огня!

Не в этом ли народопоклонстве – коренное внеисторическое отличие русской интеллигенции от европейских интеллектуалов?

Судя по тому, что было сказано выше, считать это свойство ни внеисторическим, ни коренным никак нельзя. Раскроем же его историческую, временную – и временную! – сущность.

С ПЕТРОВСКИХ времен интеллигенция росла, питаемая, в основном, тремя условиями: дворянством, духовенством, разночинцами. Процесс развивался быстро, но все же Россия на несколько веков отстала в этом отношении от Европы. Достаточно сказать, что там университеты появляются в XII веке, а у нас – в XVIII, вместе с технической школой. Однако уже к середине XIX в. в России накапливается настолько значительный контингент интеллигенции, что писатели и публицисты обращают на него серьезное внимание. Отсюда берет отсчет история нашего интеллигентского самосознания.

Первоначальную установку в этом вопросе отразил В. Даль, зафиксировавший объективное научное понимание интеллигенции как «разумной, образованной, умственно развитой части жителей». Как видим, эта первичная формулировка игнорирует нравственный аспект вообще и отношение к народу в частности.

Но вскоре в процессах формирования и осмысления интеллигенции произошел гигантский количественно-качественный скачок. Он был обусловлен социально-политическими реформами: крестьянской, земской, университетской и другими. **В считанные годы радикально изменился социальный состав интеллигенции.** За 1860-1890-е гг. к людям умственного труда «обвалью» добавился огромный контингент вчерашних крестьян и крестьянских детей, получивших свободу и образование в результате этих реформ. Связанные и кровным родством, и родом деятельности тысячами нитей с простым народом, эти новоиспеченные инженеры, земские врачи и учителя – вчерашние жители деревни – были объединены общим комплексом идейных установок, общей шкалой моральных ценностей. **Обостренная любовь к народу, чувство неоплаченного долга перед ним, идея беззаветного служения ему** – таковы были доминанты этого специфического сознания. А появившийся в результате тех же реформ тип «кающегося дворянина» как бы подкрепил эту идеологию своим существованием.

Положение усугублялось тем, что среди властителей душ, лидеров этого поколения интеллигенции, стояли, заслоняя всех – деклассирующихся дворян, чиновников и других – **поповичи**: Чернышевский, Добролюбов, Помяловский, Левитов, Каронин-Петропавловский и другие. Внуками священнослужителей были Белинский, Достоевский, Глеб Успенский, Златовратский. Не только эти лидеры, но и неисчислимые участники и сочувствователи демократического движения были связаны происхождением с духовенством. И эта связь была не просто формально-фамильной: семейное воспитание, учеба в духовных заведениях, круг детского и юношеского чтения, система ценностей – все это укрепляло определенные черты сознания. Жертвенность, стремление видеть в ближнем брата («все мы братья во Адаме»), твердая убежденность в изначальном равенстве людей («перед Богом – все равны»), вера в грядущее царство добра, правды, справедливости – таково главное духовное наследие, перенесенное демократами-поповичами из лоно христианства в общественную мысль.

Специфическое социальное происхождение огромной массы интеллигенции и ее лидеров последней трети XIX века и **обусловило тот нравственно-психологический тип**, который современная ему мысль народников осмыслила как **«истинного русского интеллигента»**. Неудивительно, что главный акцент в народнической трактовке падал на неформальные признаки: **народолюбие, нравственные критерии деятельности, «прогрессивную» идеологию**. Исторически это, как мы видим, вполне объяснимо.

Но идейно-этическую специфику русской интеллигенции **данного исторического периода** народники с восторгом абсолютизировали. Ну как же! Нигде в мире нет такой интеллигенции! А если где-то какая-то интеллигенция не такая, то значит и вовсе она не интеллиген-

ция – утверждали Лавров, Михайловский, Иванов-Разумник и их последователи. У Лаврова был наготове и ярлык: «дикари высшей культуры» – для тех, кто не подходил под его мерку «истинной интеллигенции».

В XX веке народнические взгляды на интеллигенцию были в пух и прах раскритикованы с двух, взаимно враждебных, позиций: марксистами и веховцами. Однако их удары не очень-то достигли цели. Почему? Дело в том, что в новом столетии, особенно после Октябрьской революции, процесс раскрестьянивания и формирования интеллигенции из народных масс принял гигантские масштабы. Отсюда – поразительная устойчивость народнических взглядов вплоть до наших дней. А отдельные компоненты подобных воззрений, такие, как чувство неполноценности интеллигенции по сравнению с простым народом и чувство вины и ответственности перед ним, – десятилетиями утверждались в нашем сознании государственной пропагандой. Но исторически отпущенный этим воззрениям срок – на исходе, как и породившие их процессы. Раскрестьянивание в нашей стране в целом закончено. По мере того, как экстенсивный путь развития интеллигенции будет сокращаться, а консолидация ее усиливаться, неизбежно самооценка интеллигенции будет более объективной, она избавится от комплекса ущербности и крайностей народопоклонства.

Вообще, усиленная пропаганда народнической трактовки интеллигенции в наши дни – имеет глубоко реакционный политический смысл, уводит интеллигенцию от понимания ее проблем. «Тебя душат нищетой, твоих советов не слушают, тебе смеются в глаза, зажимают рот, а ты, не обращая внимания на эти дрызги, самозабвенно творишь на благо народа и не лезешь в политику!» – вот идеал, который власть имущие мечтали бы привить с пеленок каждому интеллигенту.

И ведь получалось!

К СКАЗАННОМУ необходимо добавить еще одно соображение. Между интеллигенцией и народом до революции лежала очень четкая и определенная грань, утратившая сегодня эту четкость.

Во-первых, вся интеллигенция была крохотным социальным образованием в структуре населения. Среди всех работающих доля лиц умственного труда была, согласно переписи начала века, ничтожна – всего 2,7%. Половина этого количества приходилась на чиновничество, так что люди просвещения, науки и культуры должны были очень остро чувствовать свою отделенность от всех остальных.

Во-вторых, хотя большая часть интеллигенции Первого порядка отнюдь не роскошествовала, жила скромно, но по сравнению с окружающей народной нищетой образ жизни интеллигенции выделялся и подчеркивал ее особый статус. Заработная плата хорошего специалиста перед революцией в 20 раз превышала низший оклад рабочего, и эта разница сказывалась не только в быту, но и в сознании.

Наконец, в-третьих, сама редкая у нас образованность на фоне массового глубочайшего невежества объективно отчуждала интеллигента от масс, даже если еще вчера его детство протекало среди «простых людей». Эту особенность сознания, порождающую мучительное непонимание между образованными детьми и необразованными родителями, весьма многие могли бы удостоверить в нашем веке. А Сумароков писал еще в 1760-е: «Итак, хотя разум и равен у людей, но уже и качества просвещения делают различия между ними».

Четкая отграниченность интеллигенции от народа заставляла ее обращать внимание на вопиющее общественное неравенство, на тяжкую жизнь низов. Все это воздействовало на совестливую душу интеллигента. Интеллигентское народолюбие во многом питалось именно этим неравенством.

В силу этих обстоятельств становится понятным, почему, например, философ Г. П. Федотов писал после революции о пропасти между народом и интеллигенцией, которую последняя безуспешно пытается завалить своими трупами. И пропасть была; и отчаянные попытки

преодолеть ее – тоже были. (Недаром я упоминал о заговорах кадетских верхов, проваленных кадетскими низами.) И трупов – было больше, чем достаточно.

* * *

НО ПРОПАСТЬ была и с другой стороны – между интеллигенцией и правительством. С того момента, как Екатерина Вторая дала в 1760-е гг. понять представителям дворянско-интеллигентской фронды, что намерена жить и править своим умом, без «слишком умных» советчиков, эта позиция стала для правящих кругов России традиционной. Публицисты начала XX века охотно использовали образ: «между молотом и наковальней», имея в виду интеллигенцию, сдавленную между тяжестью самодержавного гнета и грозой народного гнева.

Вместе с тем, опять-таки с екатерининских времен, интеллигенция имела общественный вес и влияние, с которыми нельзя было не считаться. И правительство, порой таясь, негласно, использовало многие идеи интеллигенции. Так, самодержавнейший Николай Первый проводил в жизнь некоторые важные мысли декабристов, почерпнутые в материалах допросов. Показательно: декабрист историк А. Корнилович, сидя в заточении, должен был готовить для царя соображения по внешней политике. В годы подготовки и проведения крестьянской реформы заметное влияние на ход дел оказывали прогрессивные статьи и речи лидера либералов К. Д. Кавелина; даже удаленный Александром Вторым от двора, он продолжал воздействовать словом и на царя, и на общество.

Примеры можно продолжать и продолжать. Нужно отметить, правда, что при последнем царе правительственная «глухота» к голосу интеллигенции трагически усилилась. Николай Второй не желал понимать того, что стало очевидным для большинства интеллигенции, ибо понять это значило для него устраниваться с пути России. Зато в обществе, по мере все ускорявшегося и углублявшегося его размежевания, роль и авторитет интеллигенции росли, как на дрожжах. Ибо именно и только она была способна в программах и лозунгах выразить, оформить интересы и настроения различных слоев населения. Признанием и вниманием общества пользовались, конечно, не только партийные лидеры. Именно потому, что верхние слои общества к началу века практически полностью «интеллигентизировались», а концентрация самой интеллигенции, особенно в столицах, достигла высоких степеней, резонанс любого значительного духовного явления в этих слоях был особенно велик. Сама собой, естественным образом, на почве этой концентрированной интеллигентности создалась духовная элита страны, имевшая громадный авторитет. Постоянно возникали настоящие культы то одного, то другого писателя, поэта, оратора, публициста, актера, адвоката и т. д. События личной жизни этих людей, как-то: юбилеи, прибытия и отбытия, даже похороны выливались порой в общественные действия – демонстрации, процессии, собрания, торжественные обеды и т. д. Такого отношения к себе интеллигенция в России не знала ни до того, ни после.

Участникам жизни этой верхушечной части общества могло показаться – и многим интеллигентам так и казалось – что судьбы отечества отныне в их руках, что именно интеллигенция, несмотря на свою малочисленность, определит будущее страны. В этом апогее развития интеллигенции, в этом расцвете ее иллюзий и застигнет ее Первая мировая война. А через несколько лет вся обстановка в империи переменится до неузнаваемости, и предвоенные годы покажутся интеллигенции прекрасным сном. А еще лет через двадцать до неузнаваемости изменится и сама интеллигенция.

Российская интеллигенция, такая, какой она была до революции, исчезла, ее нет. И она не вернется никогда. Ибо условия существования российской интеллигенции – тончайшего полупривилегированного слоя в косном, полуфеодально-полубуржуазном обществе – ушли, канули навсегда.

У нынешней советской интеллигенции другие условия жизни, другие перспективы. Другой опыт, тяжкий опыт семидесяти послереволюционных лет.

* * *

ДЛЯ ТОГО, чтобы говорить о советском периоде истории отечественной интеллигенции, необходимо представить себе те условия, те общественные координаты, в которых предстояло рождаться и умирать ее новым поколениям.

По ходу изложения мне придется много цитировать В. И. Ленина: не по соображениям идеологического пиетета, а, во-первых, как исторический источник, созданный человеком, во многом лучше современников разбиравшимся в ходе дел, во-вторых, как документально зафиксированные установки, которыми руководствовались создатель нового государства и само это государство. Подробно позицию Ленина по отношению к интеллигенции я не анализирую, это сделано мной в другом месте. Но вехи расставить придется.

Когда разразилась Октябрьская революция, судьба страны оказалась, вопреки ожиданиям интеллигенции, отнюдь не в ее руках. С одной стороны, этой судьбой распоряжалась бушующая народная стихия. С другой – партия большевиков, сумевшая эту стихию со временем привлечь и подчинить. Напрасно думать, что власть партии была в какой-то степени властью интеллигенции, поскольку-де партийная верхушка состояла именно из нее. Ленин и ленинское руководство принципиально отождествляли себя с иной социальной силой – рабочим классом; *традиционные интеллигентские идеи и идеалы отбрасывались ими с порога как буржуазные*. А вскоре после смерти Ленина к руководству пришла партийная бюрократия, партократия, которая соотносится с интеллигенцией точно так же, как штрейкбрехеры – с пролетариатом. Но смена руководства не изменила проложенного Лениным курса по отношению к интеллигенции. В чем он состоял?

ЛЕНИН с юности не любил интеллигенцию и не доверял ей. Не любил, ибо не верил в нее как в политическую силу, способную свергнуть самодержавие. Не доверял, ибо считал насквозь буржуазной, способной только сбить с толку пролетариат, запутать его в сетях буржуазной демократии. Он убежденно писал еще в 1905 г.: «Буржуазно-демократическая сущность русского интеллигентского движения, начиная от самого умеренного, культурнического, и кончая самым крайним, революционно-террористическим, стала выясняться все более и более, одновременно с появлением и развитием пролетарской идеологии (социал-демократии) и массового рабочего движения» (ПСС, т.9, с.180). Подобное недоверие распространялось даже на собственную партийную, эсдековскую интеллигенцию, которую Ленин считал необходимым блокировать, изолировать, так, «чтобы в новых организациях партии на одного члена партии из социал-демократической интеллигенции приходилось несколько сот рабочих социал-демократов» (т.12, с.90). Ибо – «интеллигенцию всегда нужно держать в ежовых рукавицах» (т.10, с.167).

В период между первой и второй русскими революциями, когда интеллигенция трезво оценила события, в массе своей отошла от рабочего движения и создала кадетскую партию, Ленин излил на нее потоки иронии и сарказма. Он, в свое время считавший, что «у интеллигенции без масс никогда не было и никогда не будет ни парламентских, ни внепарламентских средств борьбы» (т.17, с.351), столкнувшись с кадетской организацией, был вынужден отнестись к ней очень серьезно, как к опасному врагу. Это отношение он сохранил и на дальнейшее.

Когда перспектива захвата власти большевиками стала реальной, вопрос об интеллигенции встал с новой остротой. Ленину было ясно, что интеллигенцию мало будет «запугать», мало будет «сломить» ее сопротивление, но надо будет еще ее «заставить работать в новых организационно-государственных рамках» (т.34, с.310—311). Главным средством для этого он считал «хлебную монополию, хлебную карточку». Он писал: «Это средство контроля и принуждения к труду сильнее законов Конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление. Нам этого мало» (там же, с. 312). И далее он предлагал «засадить» нужных интеллигентов за работу «под контролем рабочих организаций» и предупреждал, что «мы не дадим им кушать, если они не будут выполнять этой работы добросовестно и полно в интересах трудящихся» (там же, с. 320).

В действительности до этой «гуманной» меры дело дошло не сразу. Вначале была вооруженная борьба. Летом 1918 г. Ленин четко и недвусмысленно формулировал: «Надо сказать, что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности» (т. 36, с. 420). *Русская интеллигенция сопротивлялась и открыто, с оружием в руках, и скрыто, саботируя распоряжения правительства, которое считала незаконным.* Для Ленина это было очевидным и непреложным фактом. В связи с этим он заметил: «Их нам учить нечему, если не задаваться ребяческой целью „учить“ буржуазных интеллигентов социализму: их надо не учить, а экспроприировать (что в России достаточно „решительно“ делается), их саботаж надо сломить, их надо, как слой или группу, подчинить Советской власти» (т. 36, с. 311). Это касалось интеллигенции всех родов и видов. В связи с этим тотальный террор против нее, включая широко применявшиеся захваты и расстрелы заложников, также следует считать очевидным и непреложным фактом.

У нас нет точных данных о том, какой процент русской интеллигенции был среди жертв гражданской войны и террора 1917—1924 гг. Неизвестно точно, сколько интеллигентов было среди 2 миллионов эмигрантов⁴. Известно лишь, что потери в этом слое населения, и без того очень тонком, были чрезвычайно велики. В 1922 г. Ленин, указывая на необходимость выдвигать и готовить управленческий аппарат «из рабочих и трудящейся массы вообще», писал: «Если у нас имеются теперь десятки таких администраторов промышленности, вполне удовлетворительных, и сотни более или менее удовлетворительных, то в ближайшее время нам нужны сотни первых и тысячи вторых» (т. 44, с. 347). Эти сотни и тысячи, поскольку речь шла не о расширении, а о восстановлении производства, нужды были на место тех сотен и тысяч интеллигентов, на которых держалось раньше все управление хозяйством огромной страны. Потери среди гуманитарной интеллигенции также были очень велики и по количеству, и по качеству. Чего стоит один беспрецедентный факт высылки из России в 1922 г. двух сотен лучших представителей отечественной мысли. Но это еще не худший случай. Сегодня явной провокацией ЧК выглядит «дело Таганцева», стоившее жизни десяткам интеллигентов, в том числе поэту Гумилеву. Подобные истории были далеко не единичны. Так что многие писатели, актеры, публицисты, профессора уезжали за рубеж сами, не дожидаясь скверного конца.

Интеллигенция с самого начала не спешила признать цели и методы нового правительства. *На призыв большевиков о сотрудничестве откликнулись в ноябре 1917 г. всего... шесть человек.* Среди этих шести был Александр Блок. Он не захотел отделиться от народа и предпочел лучше заблуждаться вместе с народом, чем искать истину в стороне от него. Они сполна оплатили свои заблуждения: Блок чуть раньше, народ чуть позже. Блок – утратой дара поэзии, апатией и преждевременной смертью; народ – десятилетиями молчания, репрессий, анабиоза, нищеты. Пулей в сердце рассчитался с собой пришедший тогда вместе с Блоком в Смольный Маяковский. Пытками и пулей в затылок расплатился еще один из той шестерки: Мейерхольд. Но мы отвлеклись.

До конца своих дней Ленин не уставал при каждом удобном случае напоминать всем своим соратникам, а также и всем рабочим и крестьянам, что сформированная до революции интеллигенция – вся буржуазна до мозга костей, опасна для пролетарского дела, что ей необходимо противостоять⁵. Но задача противостояния – не конструктивна. В отличие от многих

⁴ По оценке современных историков, в эмиграции оказалось 40—50% русской интеллигенции.

⁵ См.: т. 34, с. 51; т. 35, с. 197; т. 37, сс. 196, 221; т. 38, сс. 58, 141—143; т. 39, сс. 19, 355—356, 406; т. 45, сс. 52, 94, 290, 352; т. 50, с. 218. Такое отношение к интеллигенции со стороны победившей партии пролетариата представляется глубоко закономерным. Сравним характерное высказывание об интеллигенции Мао Цзэ-дуна: «В нашей стране есть кое-что хорошее и кое-что плохое... Мы не могли не принять интеллигенцию, доставшуюся нам от старого Китая, иначе у нас вовсе не было бы интеллигенции, не было бы профессоров, не было бы преподавателей, не было бы журналистов, не было бы деятелей искусства. Эти люди верят себе, они не верят нам. Люди, о которых я говорю, называются плохими людьми». Цит. по кн.: С. Д. Маркова. Маоизм и интеллигенция. – М., 1975. – С. 24.

не только пролетариатов, но и большинства партийных интеллигентов, Ленин четко понимал, что без «буржуазных специалистов мы ни одной отрасли построить не сможем», что «нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство – в руках специалистов и в их головах» (т. 38, с. 303).

«Специалистов» следовало «запрячь» в триумфальную колесницу победителей, чтобы они охотой или неволей повлекли ее в светлое будущее. Но как это сделать при том, что «опираться на интеллигенцию мы не будем никогда, а будем опираться только на авангард пролетариата, ведущего за собой всех пролетариатов и всю деревенскую бедноту. Другой опоры у партии коммунистов быть не может» (т. 37, с. 221)? Силовой метод – расстрелы, взятие заложников, дозированный голод, посредством распределения продуктов по карточкам, – вопреки ожиданиям, себя не оправдал. Помимо кнута требовался пряник. Еще 12 марта 1919г. Ленин говорил: «Организационная творческая дружная работа должна сжать буржуазных специалистов так, чтобы они шли в шеренгах пролетариата, как бы они не сопротивлялись и ни боролись на каждом шагу» (т. 38, с. 143). Но уже неделей позже зазвучал и другой мотив: «Конечно, большинство этих специалистов насквозь проникнуто буржуазным мирозерцанием. Их надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунистическими ячейками, поставить их так, чтобы они не могли вырваться, но надо дать им возможность работать в лучших условиях, чем при капитализме, ибо этот слой, воспитанный буржуазией, иначе работать не станет. Заставить работать из-под палки целый слой нельзя, – это мы прекрасно испытали» (там же, с. 218—219).

Условия, «лучшие, чем при капитализме»... Чего-чего, а этого советская власть предоставить интеллигенции никогда не могла.

Но полно, а собиралась ли она когда-либо это сделать? Не кривил ли Ленин душой, выдвигая такой принцип?

И относительное, и абсолютное материальное благополучие интеллигента резко ухудшилось сразу после Октября. Однако для того, чтобы хоть чем-то удержать интеллигенцию на рабочих местах, понимая, что «такой степени организованности, учета и контроля, чтобы вызвать поголовное и добровольное участие „звезд“ буржуазной интеллигенции в нашей работе, мы еще не достигли» (т. 36, с. 180), Ленин и руководимая им Советская власть сохраняли относительно высокие оклады специалистам (2—3 тысячи рублей при заработке чернорабочего 600 рублей). Народ этим возмущался, требовал немедленного введения равной оплаты за равный по времени труд. Руководитель государства все время должен был оправдываться и объясняться по этому поводу. Он говорил: «Иного средства мы не видим для того, чтобы они работали не из-под палки... Чтобы выровнять низшие и высшие ставки мы сделали порядком и будем дальше продолжать начатое. В данное же время сравнять оплату мы не можем, пока мало специалистов, мы не отказываемся от повышения платы им» (т. 38, с. 18—19).

Должен и хочу подчеркнуть, что «выравнивание зарплаты» Ленин и большевики понижали совершенно буквально, точно так же, как, к слову говоря, понимали это и такие лидеры анархизма, как Махайский (Вольский) и Лозинский. Еще в «Очередных задачах Советской власти», разъясняя необходимость переплаты «спецам», Ленин писал: «Ясно, что такая мера есть компромисс, отступление от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти, требующих сведения жалований к уровню платы среднему рабочему... Мало того. Ясно, что такая мера есть не только приостановка – в известной области и в известной степени – наступления на капитал..., но и шаг назад нашей социалистической, советской государственной власти, которая с самого начала провозгласила и повела политику понижения высоких жалований до заработка среднего рабочего» (т. 36, с. 179). Во что эти идеи в дальнейшем вылились, скажем ниже.

«Зажатые в шеренгах пролетариата», но сносно поначалу оплачиваемые, специалисты народного хозяйства помогли вывести страну из разрухи, укрепить ее мощь и международный авторитет. Здесь не место дискутировать, по каким мотивам они это делали: из страха, по житейской ли слабости или из высоких патриотических побуждений. Отмечу лишь, что Ленин явно придавал значение первым двум, а не последнему мотиву.

Такое сугубо прагматическое, как на невольничьем рынке, отношение больно ранило лояльную интеллигенцию. Однажды в 1919 г. Ленин получил письмо от профессора М. П. Дукельского из Воронежа, где говорилось: «Неужели вы так замкнулись в своем кремлевском одиночестве, что не видите окружающей вас жизни, не заметили, сколько среди русских специалистов имеется... настоящих тружеников, добывших свои специальные познания ценой крайнего напряжения сил, не из рук капиталистов и не для целей капитала... На этих, самых настоящих пролетариев, хотя и вышедших из разнообразных классов, служивших трудящемуся брату с первых шагов сознательной жизни и мыслью, и словом, и делом – на них, сваленных вами в одну, зачумленную кучу „интеллигенции“, были натравлены бессознательные новоявленные коммунисты... и трудно описать весь ужас пережитых ими унижений и страданий. Постоянные вздорные доносы и обвинения, безрезультатные, но в высшей степени унижительные обыски, угрозы расстрела, реквизиции и конфискации, вторжение в самые интимные стороны личной жизни... Если вы хотите „использовать“ специалистов, то не покупайте их, а научитесь уважать их, как людей, а не как нужный вам до поры до времени живой и мертвый инвентарь».

В ответ на это письмо Ленин опубликовал статью в «Известиях», показывающую, что крик души интеллигента был издан впустую, он не нашел ни отклика по существу, ни понимания в душе вождя.

СИЛЬНО поредевшая, резко дискриминированная русская интеллигенция, естественно, не могла, даже если б и хотела, полностью восстановить свои функции дореволюционных лет. Кроме того, большевикам было ясно, что управлять ею при помощи страха нельзя вечно, а вечно «переплачивать спецам» они тоже не собирались. Поэтому насущной стала уже в 1918—1920 гг. задача создания новой, «социалистической» интеллигенции из рабочих, крестьян, солдат и матросов. Ленин, большевики считали, что такая новая интеллигенция примет на себя функции старой, не переняв ее пороков, «родимых пятен» капитализма. Для решения этой задачи виделось два пути: путь льгот и привилегий для указанных слоев при поступлении в вузы, а также выдвижение в аппарат управления «достаточного числа практически опытных и безусловно преданных рабочих и крестьян» (т. 39, с. 430).

Уже 2 августа 1918 г. по ленинскому проекту был принят декрет, отменивший не только плату за обучение, что было по-государственному благородно, но и конкурсные экзамены, а также представление диплома, аттестата или свидетельства об окончании школы. Упорно не считаясь с резким, вследствие этого, снижением качества обучения и достоинств выпускников, Ленин и в дальнейшем настаивал на том, что «мы должны весь аппарат государственный употребить на то, чтобы учебные заведения, внешкольное образование, практическая подготовка – все это шло, под руководством коммунистов, для пролетариев, для рабочих, для трудящихся крестьян» (т. 40, с. 254). Во что эта политика вылилась на практике?

Надо учесть, что и до революции в вузах училось немалое количество детей рабочих и крестьян – до 39%, а в технических вузах – до 55%. Но теперь этот процент резко подскочил, так как представителям бывших привилегированных слоев, в том числе потомственной интеллигенции, был искусственно ограничен доступ в вузы. Они мгновенно – и на долгие десятилетия – превратились в людей третьего сорта.

В сентябре 1920 г. был издан декрет о рабфаках; в 1921/22 гг. на них учился уже 27.341 человек. Роль рабфаков со временем все возрастала: в 1932 г. среди первокурсников через них прошел почти 31%, а спустя два года – уже 45%. К тому же обучение в первые годы

после революции проводилось в сжатые сроки, по сокращенной программе. Все эти обстоятельства, разумеется, сильнее всего сказывались на качестве выпускников. И, понятно, не в лучшую сторону. Но это не смущало новую власть.

Аналогичный результат несло с собой и выдвиженчество, когда необразованные, но «безусловно преданные» массы становились интеллигенцией в приказном порядке. Показательная цифра: в 1933 г. среди специалистов и руководителей предприятий и учреждений в стране свыше 1.370.000 человек *не имело ни высшего, ни даже среднего специального образования*, кроме, разве, кратких курсов. А процесс выдвижения еще долго развивался по восходящей. Не остановился он и сейчас: в разных отраслях нашего хозяйства насчитывается от 8 до 26% выдвиженцев.

Ленин оптимистически оценивал ситуацию. Он писал: «Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат» (т. 45, с. 291).

О, эта порода скороспелых интеллигентов первого поколения с партбилетами в кармане!.. Они и до сих пор заправляют делами в стране. И задача перед нами все та же: как бы «в корне изменить наш аппарат»?

Итак, читатель получил некоторое представление о тех социально-политических условиях, в которых шла к своему финишу старая интеллигенция, и стартовала новая. Я хочу подчеркнуть, что именно в первые послереволюционные годы сложились все факторы этих процессов: и государственное отношение к интеллигенции, и формы и методы ее воспроизводства.

В силу этого мы вправе опустить рассказ о следующем периоде ее истории и перейти прямо к тем результатам, которые налицо в нашей сегодняшней жизни. Мы уверены, что судьба интеллигенции, включая все эксцессы 1930-1950-х и более поздних лет, складывалась непрерывно и последовательно в неизменных условиях, в целом определившихся в 1917—1924 гг.

* * *

ИТАК, что же представляет собой советская интеллигенция сегодня? Впрочем, этот вопрос необъятен. Доставим лучше его по-другому: что потеряла и что приобрела интеллигенция в нашей стране за последние семьдесят лет⁶?

О приобретениях можно вкратце сказать так: небывалая многочисленность, горький опыт и богатые перспективы. К перспективам мы еще вернемся. Пока же надо сказать, что неуклонное возрастание доли интеллигенции в структуре населения является важнейшим фактором нашей общественной жизни. Его нельзя недооценивать. Сегодня каждый четвертый у нас связан с умственным трудом: 26% вместо 2,7% в начале века⁷! Причем этот слой растет заметно быстрее других. Если в 1960 г. интеллигенция составляла 40,9% от численности крестьянства и 20,2% от численности рабочих, то к 1986 г. *она в 2,7 раза превзошла по численности крестьянство и составила свыше 41% от численности рабочих!*

Сегодня интеллигенция в СССР – огромный *класс* людей. Правда, мы еще сильно отстаем в этом отношении от развитых стран, где процент занятых умственным трудом достигает 35—40. Но дело явно идет к тому же. Это значит, что объективно возрастает социально-политический вес интеллигенции, с ее специфическими свойствами и проблемами больше нельзя не считаться.

⁶ Примечание от 17.11.94 г.: эта и последующая главки, написанные в 1989—90 гг. во многом утратили актуальность, но я не исключил их из текста для того, чтобы читатель лучше видел, от чего мы ушли и к чему идем, чтобы уберечь его от соблазна идеализировать недавнее «коммунистическое» прошлое, чтобы яснее было, какие новые проблемы встают на место старых.

⁷ В РСФСР эта цифра в 1989 г. была еще выше: 30%.

Больше того. Это значит, что современная интеллигенция в СССР, при условии ясного понимания своих проблем, может избежать ошибок своих предшественников на пути их решения. То есть:

во-первых, сможет опереться на собственные силы, впервые найти главную точку опоры в себе самой;

во-вторых, покончит с иллюзией, будто подобное объединение возможно на идейной почве, а не на почве практических интересов, принципиально важных для становления интеллигенции, таких как материальное положение, условия обучения (то есть воспроизводства), наличие демократических свобод, место в политической структуре.

Собственно говоря, проблемы современной интеллигенции и заключаются в неудовлетворенности указанных интересов. Это хорошо видно из сопоставления образа жизни русской, зарубежной и советской интеллигенции. Здесь-то и начинается счет потерям.

ПОТЕРЯ и проблема номер один состоит в том, что материально наша интеллигенция бедна, даже нища, принижена и предельно зависима. Свои скудные харчи интеллигенция получает из государственной кормушки. Чувство жесткой экономической зависимости от государства лишает людей и подлинного человеческого достоинства, и подлинного гражданского чувства, препятствует свободе творчества. А между тем ценность продуктов интеллектуального труда – я говорю о научных и художественных идеях и свершениях – зачастую огромна. Творцу же перепадают жалкие крохи...

Как ни бедны были земские врачи и учителя, кругом них был народ, живший еще беднее. Сегодня мы видим, что те требования уравнительной справедливости, которые вынуждено было сдерживать, внутренне их разделяя, первое большевистское правительство, были осуществлены – да с каким перехлестом! – при верных ленинцах Хрущеве и Брежнев. Где, в какой развитой стране профессора и доценты получают наравне с шоферами автобуса? Где еще, потратив на учение 18—20 лет, тридцатилетний отец семьи, кандидат наук, будет получать оклад слесаря-сантехника? (Разве что в Китае, Камбодже и других милых странах, где интеллигенция еще ходит строем.) А наши писатели, со своим среднемесячным заработком еще того меньше – 162 р.? Когда-то Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература» едко издевался над тем, что свобода буржуазного интеллигента есть на деле свобода продаваться, зависимость от денежного мешка. Взамен того советский интеллигент получил свободу отдаваться даром, причем «без любви», а зависимость от денежного мешка сменилась куда более унижительной зависимостью от партийного функционера. Такая перемена не к лучшему отразилась на творческой интеллигенции. Но эти еще хоть как-то перебиваются. А жалкие заработки и нелегкие условия работы библиотекаря, музейного работника, врача? «Народного учителя», который, по словам Ленина, «должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит, и не может стоять в буржуазном обществе»? На те деньги, что получает наша интеллигенция, жить нельзя, можно лишь кое-как сводить концы с концами⁸. Ни в одной развитой стране мы не встретим столь низких расценок умственного труда, столь нигилистического к нему отношения.

Тут надо сказать два слова в ответ тем, весьма многочисленным, моим оппонентам, которые считают, что, во-первых, наша интеллигенция не стоит и тех денег, что ей платят. А во-вторых, что соотношение зарплат диктуется общественным-де спросом: водителей автобусов маловато, зато преподавателей перепроизводство. Но стоит ли валить с большой головы на здоровую? Закон спроса и предложения работает там, где есть свободный рынок труда, там, где политика выражает экономику, а не ворочает ею вкривь и вкось на свой лад. Почему-то в развитых странах нет подобной проблемы, да и у нас она возникла всего лет двадцать тому

⁸ Напоминаю, что это писалось в конце эпохи Советской власти, за год до буржуазно-демократической революции 1991—1993 гг. С тех пор положение только ухудшилось.

назад в результате ошибочной политики в деле образования. Введя обязательное десятилетнее образование, Брежнев подложил страшную мину под государство. Очень многие из тех, кто мог бы стать отличным шофером, превратились в посредственных инженеров. Что же касается добросовестного отношения к труду – это не есть специфическая проблема интеллигенции. Люмпенизация стала у нас всеобщим процессом. Работать разучились все классы и сословия. Вспомним крестьян, убивающих землю и не печалющихся об этом. Вспомним рабочих, так собирающих автомобиль, что тормозные колодки отваливаются при первом резком торможении. Примеров подобного рода – легион. И разве не ясно, что виноваты в этом противостоительные общественные условия, заставляющие людей поступать так, а не иначе?

Жалкое материальное положение интеллигенции сказывается и на ее общественном престиже, и на той роли, которую она играет в политике. Не только подавляющее большинство беспартийной интеллигенции практически выключено из активной политической жизни. Но и многим лидерам интеллигенции, в том числе коммунистам, заказана дорога к реальной власти. Их терпят только в роли советчиков. Конечно, в последние годы кое-что начало меняться. Но не будем обольщаться. Давайте рассмотрим в событие, наиболее рельефно показавшее реальную общественно-политическую ситуацию в стране: в Съезд народных депутатов.

По данным мандатной комиссии, представители науки, просвещения и культуры составили на Съезде 27,4% всех депутатов. Это процент, лишь немного превышающий ту долю, которую данная группа занимает в нашем обществе. Но если учесть, что на XIX партконференции такого рода интеллигенция составила менее 9%, то налицо прямо-таки рывок интеллектуалов вперед.

Бесспорно, в этом отразилась возросшая роль интеллигенции в судьбе страны, а также зреющее в массах понимание того, что без ведущего участия интеллигенции перестройка провалится во всех сферах экономики и политики. На этом отрадные наблюдения заканчиваются, и начинаются тревожные.

Именно работники науки и культуры проявили на Съезде наибольшую активность: им принадлежат примерно три четверти всех дельных выступлений. В целом это были выступления прогрессивные, перестроечные. Однако из всех многочисленных предложений этой интеллигенции было принято лишь одно. Зато немало было примеров, когда большинством голосов принимались консервативные решения, а предложенные интеллигенцией варианты – отклонены.

<...>

Я не останавливаюсь подробно на ряде антиинтеллигентских выступлений, встреченных аплодисментами немалой части зала. Но вот о чем нельзя не сказать. Съезд разрешил рабочим и мастерам получать зарплату с полным сохранением пенсии. Это хорошо. Но за бортом, как и следовало ожидать, осталась наша нищая интеллигенция – инженеры, врачи, учителя, работники музеев и библиотек. Позиция Совмина настораживает: объясняя причины, по которым 29.12.88 г. было принято яро-антиинтеллигентское постановление, Н. И. Рыжков без зазрения совести присвоил Совмину функции идеологического контроля. И Съезд принял это как должное. А между тем *это постановление, запретив самостоятельную деятельность издательских, кинематографических, педагогических, медицинских кооперативов, нанесло жестокий удар по интересам именно интеллигенции*. Но защитить ее на Съезде оказалось некому.

<...>

Все эти наблюдения и соображения приводят к таким выводам. На Съезде не раз заклинали не противопоставлять интеллигенцию другим слоям населения. Но такое противостояние, как мы видим по материалам Съезда – реальнейший факт нашей жизни. В былые времена мы уже наслушались призывов не противопоставлять друг другу город и деревню, интересы различных наций. Мы закрывали глаза на реальные противоречия жизни. Чем это кончилось –

известно. И не надо быть пророком, чтобы понимать, что без изменения взглядов на интеллигенцию, ее проблемы, ее взаимоотношения, достаточно противоречивые, с другими слоями, – мы получим в ближайшем будущем новый «Карабах», не на национальной, а на социальной почве.

Мы стали свидетелями того, как на Съезде сложился союз рабочих и управленцев против работников культуры и науки. Этот факт. Корни этого союза очень глубоки, тянутся из эпохи гражданской войны и военного коммунизма. Как отмечал Ленин, «своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское» (т.6, с.30—31). Что это означает? Это означает, что рабочих волнуют, в первую очередь: вопросы зарплаты, условий труда и бытового обслуживания. А культура и демократические свободы для большинства из них – ценности не первой жизненной необходимости. Достаточно улучшить (или пообещать улучшить) условия труда и жизни, чтобы увести рабочих от борьбы за эти ценности прогресса и, более того, настроить враждебно против интеллигенции: не с жиру ли она бесится? Как и при Ленине, рабочие привыкли ждать всего, решения всех проблем – от партийных управленцев, но ничего – от интеллигенции. Поэтому социальный тандем, сложившийся на Съезде, – вещь понятная и закономерная.

И если бы только на Съезде. Партократы – штрейкбрехеры интеллигенции – четко понимают расстановку социальных сил, ищут смычки и опоры в рабочем классе, заигрывают с ним, пытаются заблокировать интеллигенцию. Опасная игра.

<...>

Еще одна из важных потерь интеллигенции – это уровень квалификации в целом. Это связано с «валовыми» выпусками вузов, «валом» диссертационных защит, отсутствием четкой преемственности «школа-вуз». Подготовка интеллигента должна начинаться в первом классе и вестись целенаправленно и в максимально индивидуализированном режиме вплоть до получения диплома. К этому давно уже нашли подходы, скажем, в США и Японии. В результате такой «штучной» обработки будущего интеллигента его КПД значительно возрастает. Но нам пока это только мечтается: один лицей и две гимназии в Москве не решают проблему. Пока же в нашей стране втрое больше инженеров, чем в США, но обеспечить тот же объем и качество продукции мы не в состоянии.

Конечно и у нас, как и до революции, существуют ученые с мировым именем, как в естественных и точных, так и в гуманитарных науках. Но если посмотреть на списки нобелевских лауреатов по биологии, химии, физике, то мы увидим, что, скажем, в США таковых в десятки раз больше, чем у нас. Одна из причин того – крайне низкий, пещерный уровень информационного обслуживания наших научных кадров.

В целом наш сегодняшний «специалист», не знающий языков, оторванный как от современной мировой научной жизни, так, по большей части, и от отечественной традиции, не стоит на должной высоте. Да и когда бедному инвалиду Минпроса и Минвуза шлифовать свою квалификацию? Заработать бы где-нибудь лишнюю сотенку...

Надо заметить также, что престиж гуманитарного знания, гуманитарной культуры упал у нас крайне низко по сравнению с дореволюционным временем. Причем такое падение – во многом есть результат государственной политики. Если в 1960 г. в составе интеллигенции работники просвещения, культуры и искусства составляли 28,2%, то в 1985 – всего 18%. А ведь мир культуры неделим, и по его законам недостаток гуманитарных импульсов, познаний и ценностей может обернуться бесплодием в самых отдаленных, казалось бы, областях мысли – медицинской, сельскохозяйственной, инженерной...

Потерь, понесенных интеллигенцией за 70 лет очень много, перечислять их все – занятие долгое и печальное. Но нельзя не сказать об одной из них, архисущественной. Это – потеря голоса.

В России перед революцией существовало без малого 600 книгоиздательских фирм. Выходило множество журналов и газет: в одном 1905 году, например, только у большевиков насчитывалось около ста органов легальной прессы. В те времена

большевики, очевидно, горячо приветствовали такое многообразие и ничего не имели против свободы печати.

Нечего и говорить, что интеллигенция жила в этом книжно-газетно-журнальном море, как рыба в воде: это была естественная среда ее обитания. Ведь информация – это и важнейшая сфера деятельности интеллигенции, и главное условие ее становления. Однако, как только в октябре 1917 г. власть в стране захватили большевики, едва ли не первое, что они сделали – запретили всю недружественную им прессу. Под тем предлогом, что нельзя-де позволить кому бы то ни было клеветать на Советскую власть.

Если бы подобным аргументом позволил себе козырнуть в 1913 г. царский министр внутренних дел – ему, пожалуй, пришлось бы расстаться с портфелем. (В наши дни на это не осмелился бы и руководитель ФБР). Но – новое время, новые песни. В результате этой акции страна на долгие десятилетия лишилась, как метко выразился Ю. Буртин, «возможности возразить».

Расписывать здесь подчиненное, зависимое положение прессы, сложившееся в 1920-е гг. и продержавшееся в таком виде до недавнего времени, я считаю излишним. Это все знают и так. Равно как все понимают, что от нынешней гласности до подлинной свободы печати отнюдь не рукой подать.

Скажу лучше о том, что политика большевиков в книгоиздательстве была ничуть не лучше, чем в отношении периодической печати. И речь идет не о каких-то якобы «рубежных» временах конца 1920-х, когда «ломали ленинскую НЭП». Нет. Еще не окончилась гражданская война, когда престарелый князь П. Кропоткин, закаленный борец с самодержавием, посылает открытое письмо Восьмому всероссийскому съезду советов «в виду общечеловеческой важности этого вопроса». В письме он так взывал к участникам съезда: «Теперь Государственное издательство по непонятным причинам (о, наивный князь! – А.С.) ... подняло путем ведомственных распоряжений вопрос об уничтожении всяких вольных издательств. Взваливать всю... работу на Госиздат, тогда как она требует, прежде всего, массу личного почина, а часто и самопожертвования, – было бы безрассудно. Не даром человечество целую тысячу лет боролось за свободу печати, и не даром оно завоевало эту свободу путем невероятных жертв. Убить эту свободу и отдать громадную вольную культурную работу в распоряжение Государственных канцелярий – значило бы выставить Вас, представителей рабоче-крестьянской России, слепыми орудиями мрачного прошлого, и связать высокие стремления социализма с прошлым насилием и торжеством обскурантизма – власти тьмы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.